

Экран и
цена. —
2000 —
7 нб. (нб.) —
с. 7

Считается, что Ингмар Бергман вот уже 16 лет не снимает фильмы, хотя «Фанни и Александр» (его называют последней работой Мастера) изначально был телесериалом, и режиссер поставил в 80-е годы еще две документальные и две игровые ленты («После репетиции» и «Двое блаженных») для телевидения. А после значительного перерыва, связанного в первую очередь с литературной деятельностью, опять вернулся на съемочную площадку, чтобы в возрасте 79 лет снять «В присутствии клоуна» (таково международное название телефильма «Фигляр, шумящий на помосте»), который смело можно воспринимать и как «лебединую песню», своеобразное завещание живого классика мирового кинематографа, и как по-молодому дерзкую и язвительную работу автора, в открытую посмеивающегося над собственным творчеством.

С одной стороны, в картине присутствуют, кажется, все сквозные мотивы кинематографа Бергмана, но прежде всего она выстраивается в один ряд с такими произведениями, как «Вечер шутов», «Лицо», «Дьявольское око», «Ритуал», «Из жизни марионеток», где трагикомизм и карнавальность восприятия действительности могут вдруг обернуться подлинным трагизмом, буквально пронзающим все твоё естественное ощущение невероятной близости смерти. Вот и здесь, попавший в психиатрическую клинику 54-летний инженер Карл Окерблум, одержимый обстоятельствами болезни и смерти композитора Франца Шуберта, а также идей создания в 20-е годы XX века живьем озвучиваемого кино, в редкие моменты своих видений встречается лицом к лицу с неким андрогинным су-

авантюристов» в лице Карла Окерблума и Освальда Фоглера, спустя несколько десятилетий дающих выездные представления тоже с претензией на магию. Искусство «волшебного фонаря», к которому пристрастились фигуранты под руководством Окерблума, неизбежно вызывает в памяти соответствующие эпизоды из картины «Фанни и Александр». А младшей сестрой восторженного изобретателя «говорящего кинематографа» оказывается героиня по имени. Карин Бергман (так звали бабушку Ингмара Бергмана), причем играет ее, как и настоящую мать Бергмана в экранизации его романа «Благие намерения», та же Пернилла Аугуст. Кстати, Карл Окерблум появлялся среди героев «Благих намерений», а кроме того, Бёрье Альстедт, исполнивший эту роль, был задействован и в ленте «Фанни и Александр».

Для самого Бергмана тема шутовства, актерства, магического преображения реальности в искусстве — всегда своего рода вызов против ленивого и сытого буржуазного существования, внезапный прорыв к вечным истинам даже тех, кого считают безвольными марионетками. И то, что смерть рядится в одежды клоуна и неотступно преследует горячего поклонника творчества и радости жизни в любых ее проявлениях, стремится остудить его дерзновенные, хотя порой наивные порывы, медленно сводит с ума и приближает неизбежную кончину, это отнюдь не противоречит бергмановской концепции свободы художника и его неопределенной роли в изменении окружающего мира пусть всего лишь на несколько мгновений выдуманного действия. Как уважительно и искренне благодарят актеров-любителей несколько провинциальных жителей, которые наблюдали с грехом пополам отыгранный «киноспектакль» заезжих гастролеров, а потом степенно и в некоторой задумчивости расходятся по своим домам! После этого и самим фиглярам можно спокойно, со знанием исполненного долга возвращаться хоть в приют для умалишенных, где уже без прежней мучительной тревоги дожидаться очередного ночного явления смертоносного клоуна. Вспомним, как в ситуации словно перед концом света спасались бродячие комедианты в «Седьмой пещи», чета музыкантов в «Стыде», цирковой артист и левичка кабаре в «Змеином яйце»... Даже искусство, тронутое душевной или иной болезнью, находящееся вблизи от смерти, все равно предпочтительнее, чем заунывное прозябание «в отсутствии клоуна».

Ингмар Бергман, который давно уже обеспечил себе место в истории мировой культуры, в своей последней экранной работе (может, она действительно окажется финальной) даст фору многим более молодым режиссерам, кому еще предстоит снимать в XXI веке. «Фигляр, шумящий на помосте» по своей оригинальной стилистике виртуозного условного минимализма вполне годится в образцы постмодернистского искусства, но по способу мышления, а главное, по глубине постижения человеческих судеб и внушения нам чувства подлинного потрясения — это типичная классическая драма о горделивом противостоянии человека самому Року. Поэтому не случайно, что и предваряется она цитатой из «Макбета» Шекспира: «Жизнь — только тень минутная; фигляр, / Свой краткий час шумящий на помосте, / Чтобы потом навек затихнуть; сказка / В устах глупца, где много звонких фраз, / Но смысла нет». Это сразу задает повествованию высокое измерение, которое, безусловно, оправдывается в лучшие моменты фильма Бергмана.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

В присутствии мастера

ществом в костюме клоуна и с белым гримом — и невыносимый ужас охватывает не только его, но и словно нисходит в зрительный зал. Глубинное отчаяние героя, особенно в финале, оказывается вполне сопоставимым по силе воздействия с самыми трагическими эпизодами из бергмановских шедевров — «Молчание», «Персона», «Стыд», «Шепоты и крик».

Но с другой стороны, «Фигляр, шумящий на помосте» — порой на редкость смешная, ерническая, хулиганская лента (достаточно сказать, что сам Ингмар Бергман появляется мало кем узнаваемый в качестве одного из сумасшедших в клинике), наполненная массой пикантных самоцитат. Весьма словоохотливый психиатр в бравурном исполнении Эрланда Юсефсона (фактически он бергмановский «альтер-эго» в течение последних 20 лет), конечно же, носит излюбленную шведским мастером фамилию Фоглер. Это сразу отсылает нас к «Лицу», где фокусник Фоглер, странствующий со своей труппой по Швеции в XIX веке, оказывается словно предтечей «новых